

Лаврентий

Сон

ВАСЁК ТРУБАЧЕВ И ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН

(фрагменты хроники любителя петь)

*Свободен тот, для кого ничего не значат
преимущества рождения и титул.*

*Людвиг ван Бетховен,
«Песня свободного человека»*

1.

Озаглавив сей опус именами двух персонажей, предлагаю пройти вместе со мной немудреный путь от одного из них до другого. Но речь пойдет не о них, они тут ни при чем. Дело в том, что над раскрытой книгой склонился и сопел я, ученик четвертого класса средней школы колхоза им. М.В.Фрунзе. Колхоз наш находился в пяти километрах от железнодорожной станции Уштобе.

Я читал про Васька Трубачева и его товарищей мартовским днем одна тысяча девятьсот пятьдесят второго года. Солнце шпарило всюду, и подоконник, на котором была раскрыта упомянутая книга, стремительно освобождался от тающей наледи, промочив обложку увлекательной книги.

Что же касается великого немецкого композитора Людвиг ван Бетховена, дирижера и пианиста, он и тогда, и по сей день «один из наиболее уважаемых и исполняемых композиторов мира».

Деда его тоже звали Людвигом, и он служил в капелле, сначала певцом, затем капельмейстером.

Отец, Иоганн ван Бетховен, будучи певцом в той же придворной капелле, хотел сделать из сына второго Моцарта и стал обучать игре на клавесине и скрипке. И в 1778 году в Кёльне состоялось первое выступление мальчика. Однако Людвиг не оправдал отцовских надежд, не показал себя чудо-ребёнком.

Мать, Мария-Магдалина, до замужества была дочерью придворного шеф-повара в Кобленце.

Понятное дело, что ничего общего между мной и Людвигом ван Бетховеном нет.

Даже дату своего рождения Бетховен не помнил. И близкие люди из его окружения тоже не помнили, потому как не подозревали, что рядом с ними растёт гений. Известно только, что крещен он 17 декабря 1770 года.

Я же, напротив, точно знаю дату своего рождения (по метрике). И родился я в Казахстане – в тридцать седьмом году по подозрению в шпионаже в пользу

японского империализма советская власть насильно депортировала всех корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан, а гениальный автор фортепианных, скрипичных и виолончельных сонат, концертов для фортепьяно, для скрипки, квартетов, увертюр и симфоний родился в немецком городе Бонн.

И к тому же творчество Бетховена оказало значительное воздействие на симфонизм XIX и XX веков. Мое же «творчество» киношника не доставило особых хлопот кинематографическому искусству...

Вот что я еще вычитал про Людвиг ван Бетховена: «В 1780 году в Бонн приехал органист и композитор Кристиан Готлоб Нефе, который понял впоследствии, что у двенадцатилетнего мальчика по имени Людвиг талант. Он познакомил его с музыкой Баха, Гайдна и Моцарта. И любимыми писателями юноши были древнегреческие авторы Гомер и Плутарх, английский драматург Шекспир, немецкие поэты Гёте и Шиллер».

Меня же старшая сестра Надя научила играть на гитаре корейскую песенку «Тунгги, тунгги, ортунгги». Эта песенка о том, как один толстяк, торгуя рисом, отморозил себе нос. Но я не остановился на отмороженном носе. Будучи тщеславным ребенком, я жаждал похвалы старшего брата Окпая (по паспорту Николай). Вместе с мамой он был кормильцем нашей семьи. Однажды, когда он ужинал за отдельным столиком, я забился под подоконник и запел часто передаваемую по радио русскую песню: «Вижу чудное приволье, вижу нивы и поля...». Но брат ничего не видел и ничего не слышал, он продолжал ужинать. Меня это немало удивило, потому что сам он был музыкален и нередко, одиноко взирая на безлюдную улицу за окном, пел казахскую песню «Карлыгаш»...

И надо же такому случиться – в конце пятидесятых годов двадцатого века в городе Свердловске (ныне опять Екатеринбург) великий музыкант наткнулся на студента третьего курса Радиотехнического техникума имени А.С.Попова, то бишь на меня, которому чудовищно повезло – я прошел по конкурсу в академическую капеллу Свердловской государственной филармонии. Оказывается, мой певческий голос... бас! Удивлению моему не было предела – откуда бас? Я ведь нормально разговариваю и совсем не басом... Но меня приняли в академическую капеллу, хотя музыкальной грамоты я не знал и слово «сольфеджио» услышал впервые. И вскорости, стоя на самой верхней ступени концертной станины для хора, штудировал музыкальную грамоту вместе с двумя басами (с Германом Зверевым и Рубинштейном, фамилия знаменитая, а имени его не помню). И многое я узнал про хоровое пение. В первую очередь про дыхание, дающее певцу возможность долго тянуть звук (фермато): движением диафрагмы вниз заполняешь нижнюю часть легкого, потом набираешь воздух всей грудью и медленно выдыхаешь. И распевки, одни гласные: и-и-е-е-а-а-о-о-у-у-у...

Состав капеллы разношерстный. К примеру, Герман Зверев учился в мединституте, Рубинштейн – инженер-строитель, кто-то учительствовал в обычной средней школе. Репетировали четыре раза в неделю, а перед концертами – почти каждый день... Эти занятия научили нас различать в хоре и воспроизводить в отдельности любые партии – сопрано, альты, теноров, баритонов, первых и вторых басов со всеми диезами, бемолями и бекарами...

Капелла при филармонии, и это было для меня большим везением. Всем хористам разрешалось бесплатно посещать любые концерты классической музыки и даже эстрадные представления. И таким образом мне удалось услышать все

девять симфоний Бетховена, великолепного скрипача Леонида Когана, сольные концерты чистейшего тенора, солиста Свердловского оперного театра Леонида Заики, который потом уехал в Ленинград, а также коллективы только что становящейся модной джазовой музыки.

Раз я ударился в подробности, то отмечу и следующее.

Всю жизнь обо мне заботилась моя сестра Надя. Когда мне предстояло подлечиться в самаркандской больнице «Намазга», она тут же поехала в город Самарканд и поступила в торговый институт. И в течение всего срока моего лечения (три года и три месяца) каждое воскресенье приходила ко мне с гостинцами, на покупку которых она умудрялась выделить деньги из без того малюсенькой стипендии.

Узнав про мое желание учиться в одном из институтов уральского города Свердловска, Надя по завершении учебы в институте с большим трудом, но все же добилась направления на работу в Свердловский ДОРУРС (Дорожное управление рабочего снабжения, так, кажется, расшифровывается). Но, к большому огорчению, в Свердловске ее тут же перенаправили на работу в городишко Серов, откуда она после нескольких месяцев мытарств среди добрых, но вечно подвыпивших мужиков-сотрудников с трудом вырвалась и уехала в Алма-Ату, где устроилась работать в гастрономе. В городе тогда шла молва, что в таком-то гастрономе рядовым продавцом работает девушка-корейка с высшим образованием. Это потом она стала продавцом, но прежде Надю заставили мыть окна этого гастронома.

Все выпускники средних школ в те годы были озабочены выбором будущей профессии. Вернее, в какое высшее учебное заведение поступить. И были такие толстые справочники «Куда пойти учиться?» с перечнем высших учебных заведений. А-га, вот – Уральский политехнический институт (УПИ), физико-технический факультет. Это то, что мне надо, поскольку я намеревался стать специалистом по атомной энергетике. Но в приемной комиссии у меня не приняли документы, требовалось отменное здоровье... Что же делать? Сажу на привокзальной площади, улетаю пирожки. Надя пошла выяснять в огромном здании Дорожного управления вопросы будущей работы... А у меня заковыка была в том, чтобы стипендия в институте, куда я поступлю, была бы солидной, во всяком случае достаточной, чтобы прокормиться и даже приодеться. В конце концов я поступил на третий курс Свердловского радиотехнического техникума имени А.С.Попова, по специальности «Конструирование и технология производства радиоаппаратуры». И стипендия 360 рублей, а на первом курсе институтов стипендия была 220 рублей...

В конце школьного обучения в городе Нукусе (столица Каракалпакской автономной республики Узбекской ССР) я увлекался судомоделизмом. На моем счету модели крейсера «Аврора», радиоуправляемого линкора «Москва» и кордового глассера. У меня второй взрослый спортивный разряд, я участник республиканских соревнований (в Узбекистане). И даже мысли не допускал, что когда-нибудь расстанусь с этим увлекательнейшим видом спорта.

Но школьные годы в Нукусе примечательны для меня не только тем, что увлекался судомоделизмом, но и дружбой с одноклассником Анатолием Дровалем. Он давно и успешно занимался в авиамodelьном кружке все той же Республиканской станции юных техников (РСЮТ). Авиамodelист был он классный. Но очень стеснительным был человеком. Для него общаться с девчонками, разговаривать с ними, даже одноклассницами, было делом запредельным, краснел и заикался, не знал, куда деть руки и что делать с непослушной головой, которая в конце

концов грустно замирала на плече. Он и привел в наш 9-й класс руководителя судомодельного кружка Александра Николаевича Белобородова, чтобы набрать желающих заниматься в его кружке. Набор был скромным – лишь я один выразил желание заниматься моделированием морских судов.

Странное дело – ничего особенного не происходило с одноклассниками, но чрезвычайно радостно вспомнить их имена – Слава Терехин, преуспевающий ученик, закончил авиационный институт, стал большим специалистом в этой области (он почему-то называл меня «Снище!»), Коптлеу Кулатаев (после десятилетки все мы разъехались поступать в институты, а Коптлеу не мог – у него болела мама), Гена Белов, Саша Саенко, Вовка Сушко, Неля Бурангулова, Галя Недоспасова, Венера Рахманова (Коптлеу утверждает, что я был влюблен в нее, и это правда). Невероятно, но мы оказались с Венерой в одном поезде, но в разных вагонах. Мы ехали поступать в институты – я в Свердловск, она – в Казань. На одной из станций мне удалось купить пару бутылок кефира, и мы пили его, сидя рядышком в тамбуре и свесив ноги. Ночью в Челябинске она пересела на свой поезд, я не попрощался с ней, проспал... Недавно Коптлеу сообщил мне по телефону – Венера закончила Химико-технологический институт в Казани, стала большим специалистом и впоследствии – директором химического завода, вот как!..

...Однажды по городскому радио Свердловска объявили конкурсный набор в хоровую капеллу. Ваня Хозов, мой однокурсни́к по радиотехникуму (мы вдвоем снимали комнату в частном доме недалеко от Верх-Исетского завода), посоветовал: «Вот куда тебе надо идти, чего дома петь».

Хозяйка дома Елизавета Сергеевна, слегка сгорбленная старушка, была одержима кенарями – это такие желтопузые с черными перышками птички, размером не больше воробья, но с длинными хвостовыми перьями, и очень шумные. Елизавета Сергеевна проходила к себе через нашу комнату. И когда она открывала дверь в свою комнату, оттуда доносились истеричные крики кенарей и отвратительный запах птичьего помета.

Насчет «чего дома петь» Ваня был прав. Где и когда я услышал и запомнил куплеты Мефистофеля, не знаю, но частенько «добивал» ими слух моего товарища. Встав на своей кровати и театрально выбросив руки в стороны, я пел (кричал) что есть мочи:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он царит во всей Вселенной,
Тот кумир – телец златой!
В умилении сердечном,
Прославляя истукан,
Люди разных каст и стран
Пляшут в круге бесконечном!
Окружая пьедестал,
Окружая пьедестал!
Сатана там правит бал,
Там правит бал!..
Сатана там правит бал!
Там правит бал!..

В угожденье богу злата
 Край на край идет войной
 И людская кровь рекой
 По клинку течет булата.
 Люди гибнут за металл!
 Люди гибнут за металл!.. и т. д.

Ваня на четыре года старше меня, ему двадцать один год. Родителей нет, но в каком-то небольшом уральском городке жила бабушка, и Ваня частенько возвращался из дому, куда он ездил на каникулы, в теплом свитере, который она ему вязала. В радиотехникум Ваня поступил после службы в лётных частях, учился старательно и был прагматичен во всем – в одежде, еде. Жили мы скромно – утром в буфете техникума брали по пирожку со стаканом чая, обед нормальный (первое и чай), ужин – грамм двести хлеба и сладкий чай.

И никаких затруднений я не испытывал, потому что Надя, сестра моя, всячески поддерживала меня деньгами из своей скромной зарплаты молодого специалиста.

«А что? – подумал я, вспомнив совет Вани насчет хора. – Чем черт не шутит?..»

И вот я на втором этаже Свердловской государственной филармонии, где уже собралось немало народу, и все бесспорно «собиновы» да «шалапины». За плотно закрытой дверью шло прослушивание. Время от времени оттуда выходили парни и девушки, одни веселые, с улыбками, другие – без, значит, не приняли, и, расстроенные, торопливо сбегали вниз по лестнице, покидая здание филармонии...

Дошла очередь и до меня. Вхожу. Просторная комната с высоким потолком. У рояля концертмейстер. Она в светло-голубом платье. Пышные волосы грузно уложены на голове, прямая спина и примечательный бюст.

У окна, скрестив руки на груди, стоит человек в коричневом костюме и с хмурым, скучающим выражением лица. Он хормейстер. Вадим Петрович Петров. (Удивительно, что я помню имена, хотя прошло немало времени.) Наши девчонки, сопрано и альты, относились к нему тепло и сочувственно – в годы учебы в консерватории Петров обладал удивительным драматическим тенором и великолепно пел Ленского в спектакле «Евгений Онегин». Но на дипломном спектакле сорвал голос, и пришлось ему заканчивать консерваторию по классу «хорового дирижирования».

Опершись о край рояля, стоял главный хормейстер Серебровский Александр Владимирович, у которого был удивительно мягкий баритон, какой-то воркующий. Взгляд внимательный, заинтересованный.

Я слегка робею. Подхожу и становлюсь справа от концертмейстера.

– Что у вас? – спрашивает главный хормейстер.

Молчу, пытаюсь понять вопрос.

– Тенор, баритон?

Пожимаю плечами, мол, не знаю.

– Лариса Александровна, проверьте, – говорит он концертмейстеру и отходит к окну.

Лариса Александровна ткнула пальцем на клавишу.

Беру эту ноту. Затем вторую, третью... Чувствую, Лариса Александровна и оба хормейстера застывают в молчаливой растерянности, слегка расстроенные, будто не ожидали. И я чувствую себя виноватым.

– Скорее всего баритон... Проверьте диапазон, – устало роняет Александр Владимирович.

Лариса Александровна стала поочередно нажимать клавиши рояля от низкого звука до высокого. Кажется, диапазон моего голоса тоже нехстати удивил хормейстеров.

Вадим Петрович замечает мою хромоту.

– Концерты длятся не меньше полутора часов. Устанете.

– Выдержу...

– М-да? – засомневался главный хормейстер.

Но все же я был принят в а капеллу! «И-и-е-е-а-а-о-о-у-у-у!..»

И вскорости запел:

В темном лесе
в темном лесе,
в темном лесе,
в темном лесе,
за лесью,
за лесью... и т. д.

Но концерты принято было начинать мощной патриотической песней:

Будет людям счастье,
Счастье на века!
У советской власти
Сила велика!
Сегодня мы не на параде,
А к коммунизму на пути!
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди!.. и т.д.

В 1963-м проездом в столицу Сибири остановился в Свердловске Никита Сергеевич Хрущев. И мы пели ему эту песню. А когда репертуар принял менее популярную окраску, Первый секретарь ЦК КПСС и его свита покинули первый зрительский ряд, который они занимали.

Концерт продолжился бетховенской «Фантазией для фортепьяно, хора и оркестра»:

Если звук волшебный, чудный
и слова чаруют мир,
хаос должен прекратиться,
мрак преобразится в свет!
Хоть спокойствие и радость
для счастливых созданы,
но и светлый мир искусства
он сумеет озарить!..
Кто хранит любовь,
любовь к искусству,
тот награды заслужил,
тот награды заслужил,
вновь да за-а-аслужил!.. и т.д.

Но поистине хоровое многоголосье мы почувствовали и получили наслаждение, исполняя латышскую народную песню «Вей, вей, ветерок».

Недавно мой товарищ, сценарист и кинорежиссер Сатыбалды Нарымбетов познакомил меня с одним молодым человеком.

– Он латыш. Обрусевший, правда, но латыш, – пояснил Сатыбалды.

– О, я знаю латышскую песню, народную! – обрадовался я. И запел.

Будвей и-и-ни,
Дзенлай веню,
Ай зет ма-а-ане,
Ку-у-урземе...

Потом в переводе на русский:

Вей, вей, ветерок,
Спозаранку,
Ты гони, мой челн,
К курземчанке...
Мне дочку она
Обещала,
А как сватать стал,
Прочь прогнала...

В Свердловской филармонии мы пели эту вещь в четыре голоса – сопрано, альты, тенора и баритоны в унисон с басами. Я помню все четыре партии, песня народная, красоты неописуемой!..

Молодой человек, представленный мне как латыш, слабо улыбался, и я засомневался, что он знает и понимает эту песню.

– Ты что! – шепнул мне Сатыбалды. – Посмотри на него!

У молодого улыбающегося латыша проступили слезы на глазах...

Однажды хормейстер Вадим Петрович раздал нам нотные листы с незнакомой мелодией, но известным текстом – «Узник» А.С.Пушкина. (Всезнающий Герман Зверев утверждал, что это стихи М.Ю.Лермонтова.) И мы запели в унисон мелодию Александра Гречанинова.

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный на воле орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как бу-у-удто со мно-о-ою задумал одно-о-о...
Зовет меня,
Зовет меня,
И криком,
И криком своим,
И вымолвить хочет:
Давай!

Давай!
Улетим!
Улети-и-им!..

И словно вырвавшись на простор:

Мы вольные птицы – пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края-а-а,
Туда-а-а, где гуляют
Лишь ветер да я-а-а!..

Но прежде чем приступить к репетиции «Узника», Вадим Петрович прочитал лекцию, в которой он сообщил нам о «богослужебных циклах композитора А.Гречанинова, о его «Сугубой ектеньи», опубликованной в различных вариантах и записанной Ф. И. Шаляпиным в аранжировке с органом, а также присутствовавший на богослужении император, услышав «Верую» А.Гречанинова, назвал его лучшим русским церковным композитором и повелел назначить ему пожизненный пенсион»...

Ну вот, кому пенсион, а мне нарекания...

Главный хормейстер Александр Владимирович Серебровский, случайно увидев меня по телевизору (перед маленьким экраном ставилась огромная лупа, наполненная водой) на соревнованиях по судомоделизму, немало удивился моему «странному» занятию. («Вам не следует заниматься глупостями, вы бас, у вас диапазон») А.В.Серебровский был известен тем, что до нашей а капеллы он создал молодежный хор в Уральском политехническом институте и блестяще выступил с ним на Венском молодежном фестивале.

Руководитель же свердловского морского клуба, где я занимался судомоделизмом, Керкис Яков Михайлович тоже случайно увидел по телевизору выступление филармонической а капеллы и тоже усмехнулся: «Что это ты там поешь? Зачем тебе это?» Яков Михайлович был чемпионом Европы по судомодельному спорту. Он делал настольные модели, примерно сантиметров сорок, сорок пять в длину. Но все металлические детали (кнехты, якоря, румпель) позолочены и ванты – натуральный шелк. Но до сих пор остается для меня загадкой – почему же он назначил меня капитаном команды свердловского морского клуба? И в команде нашей были чемпионы Урала и Сибири, Советского Союза и даже Европы (сам Яков Михайлович).

Региональные соревнования Урала и Сибири проводились на городском Верх-Исетском пруду и однажды чуть было не завершились катастрофой. Моя радиоуправляемая модель перестала принимать сигналы и, проделав все положенные упражнения (через пятьдесят метров войти в серединные ворота, вернуться кормой через эти же ворота и последовательно пройти все остальные шесть боковых ворот), устремилась к небольшому островку на середине пруда. В таких случаях автор модели сам должен вернуть ее к старту. Ничего не поделаешь, быстренько раздевшись до трусов, уверенно бросаюсь в воду, хотя плавать толком не умею. Но модель я вернул к старту, и в порядке исключения мне разрешили повторный запуск...

Одним словом, я вертелся вовсю и причем без всякого напряжения – радиотехникум, морской клуб, капелла. Я старался быть наравне со всеми и не хуже других. Даже в походы на лыжах ходил. Однокурсники, боясь, что я заблужусь, терпеливо ждали в сосновых чащобах моего появления на лыжне. В техникуме учились одни русские ребята и девчата, в основном свердловчане. И вполне возможно, что я был среди них, как сейчас говорят, «чукчей», которого надо жалеть и сочувствовать ему. Заведующий учебной частью, старый седовласый еврей появившись в нашей группе, на первом же уроке предупредил всех студентов хриловатым голосом, что «среди вас есть товарищ, которого не следует обижать, а наоборот, следует уважать, поскольку он «не русский». И обернулся ко мне: «Вы понимаете, о чем я говорю?» Я мелко закивал, мол, понимаю и рад бесконечно! «Вот и хорошо. Вас никто не будет обижать».

Предмет «радиоматериалы» в техникуме преподавал очень вежливый и добрый человек по фамилии Рабинович (к сожалению, не помню имени-отчества педагога). Он был большой знаток уральских гор и очень любил туристические походы. Его мало беспокоили наши знания о свойствах радиоматериалов, и мы охотно лезли с ним по горным склонам. Особенно запомнился мне поход вдоль небольшой извилистой речки Чусовой... Преподаватель не выговаривал буквы «р» и «л». И поначалу было забавно, когда он вызывал к доске студента по фамилии Суворов.

Звучало это так:

– Извойте, товаищ Сувоов, к доске...

Но удивительно было другое. Вовка Суворов вместо букв «р» и «л» произносил букву «т». Вы можете себе представить такое?

Преподаватель:

– Товаищ Сувоов, извойте к доске. Аскажите нам о свойствах поитетафто-тэтитена, то есть фтоопаста, о котоом мы говоии на пошом занятии. (Товарищ Суворов, извольте к доске. Расскажите нам о свойствах политетравторэтилена, то есть фторопласта, о котором мы говорили на прошлом занятии.)

И Вовка, выйдя к доске, начинал так:

– Темапетатута птавления потитетавтотэтитена, то есть фтоптоптаста, тавна...

Имелось в виду:

– Температура плавления политетравторэтилена, то есть фторопласта, равна...

2.

...На свердловском городском катке «Динамо» напрокат выдавали коньки. Но прежде чем появиться там, я усиленно тренировался поздними вечерами на нашей верх-исетской улице. Коньки «ласточки» мне уступил мой однокурсник Ленья Филатов. Поначалу он удивился моей просьбе, но все же дал мне коньки, надеясь, что через день-другой я верну их ему. Но возврат случился в конце зимы... Опустевшая морозная улица, луна, крепко утоптанная пешеходная дорога, одиноко скольжу по ней, сцепив руки за спиной, как это делают конькобежцы-спортсмены, скольжу размеренно, сглаживая свою хромоту плавным движением вперед... (Кстати, недавно очень близкий мне товарищ предложил выправить мою походку, чтобы я ходил ровно. «Каким образом? А я сломаю тебе вторую ногу!»)

С девушками у меня не было проблем, поскольку я не смел даже намекнуть им о своих симпатиях... Конечно же, влюблялся (да еще как!), но скрывал свои чувства во избежание справедливого недоумения и отказа.

3.

Уштобе, колхоз имени М.В.Фрунзе, 1950-й год.

...Учительницу второго класса звали Ольга Ивановна. Это была худенькая стройная девушка. Помнится, зимними морозными утрами мы ходили через овраг в школу, под которую председатель колхоза временно выделил здание детского сада. И пели мы песню, словам которой не придавали никакого значения. «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой!..» Ольга Ивановна уважительно относилась ко мне, поскольку я единственный мог петь вторым голосом и получалось красиво...

А уже в четвертом классе к нам пришла высокая, удивительно красивая Нина Андреевна Золотарева! Мы все, и девчонки, и мальчишки, были влюблены в нее. Быть может, кому-то покажется это не гигиеничным, но укажу: нередко она брала за головку летящего по школьному двору какого-нибудь шалопаю и подолом своей крепдешиновой юбки, пахнувшей духами, вытирала тому нос... И учила она по всем предметам оригинально и увлекательно – вызывала к доске сразу трех-четырех учеников и выдавала им листочки с вопросами. Кто готов, тот и начинал отвечать. Мы все старались, и даже я был ударником!

С табелем, который Нина Андреевна щедро отметила «четверками», я уезжал на поезде вместе с сестрой Надей из Уштобе к маме, в Каракалпакию. Мама уехала туда, когда после долгих запросов она нашла там двух своих братьев с семьями. Надя спрятала во внутренний карман кофты бумажку с адресом: «Ходжейли, базар, дом № 2»... Старший брат Окпай, к тому времени уже молодой отец, продал дом в колхозе, чтобы дать нам на дорогу деньги, а сам с семьей и младшей сестренкой Огымой (по метрике Галина) напросился к третьей жене своего любвеобильного отца. Примечательно, что третья жена, которую звали Денгдэги, очень тепло относилась к нам – моей сестре Наде и ко мне, хотя мы к ней никакого отношения не имели, мы были, так сказать, «сбоку припеку». (Мама дважды выходила замуж, и мы с Надей были детьми от второго замужества.)

...Из привокзального радиоколокола традиционно звучала песня: «Живите счастливо, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты...».

Брат Окпай был спокоен за нас, потому что в тот же каракалпакский город Ходжейли, куда мы направлялись, ехали и молодожены – его звали Костей, имени невесты я не помню. Ехали долго. В Чарджоу пересели на товарный поезд до станции Ургенч. Новое железнодорожное полотно тянулось по высокой свежей насыпи, и товарняк двигался медленно. Степь да степь...

На одном из пролетов, после одинокого разъезда, ловко лавируя между кустами верблюжьих колючек, бежал мальчишка-туркмен с закопченным эмалированным чайником и кричал:

– Кипяток! Один рубль! Кипяток! Один рубль!..

– Давай сюда! – попросил его Костя.

Мальчик с разбегу одолел высокую насыпь, дотянулся до открытой двери товарного вагона и передал дяденьке чайник.

Пока кипяток переливался в другую посуду, мальчик трусил по низу междустов и не спускал глаз с Кости. Пустой чайник Костя бросил мальчику. Тот заглянул в чайник и снова побежал вдоль железнодорожного полотна, умоляя:

– Рубль давай, рубль давай!..

Костя отвернулся. Поезд катил дальше.

Мальчик отстал...

4.

В Ходжейли встречные люди нам показали дом, в котором проживали корейцы. Это была семья нашей троюродной сестры. Ее звали Настей. Но мы почему-то обращались к ней «тетя Настя».

Когда мы вошли в дом, на нас пахло сладкой, но забытой волной настоящей рисовой каши (баби), запахом, сопровождаемым еще более фантастическим ароматом яичницы. От неожиданности и Надя, и я (мы были голодны) рухнули на земляной пол у порога и пришли в себя через некоторое время на теплом камышовом кане... Накормив вкуснейшим обедом, тетя Настя отвела нас к своей старшей сестре, тете Лиде, семья которой жила возле шумного базара с громким и грязным рестораном, где время от времени возникали драки с поножовщиной. И бродила по базару большая стая бездомных собак. Иногда я их подкармливал чем мог, и они дружно провожали меня в школу аж до горбатого Красного моста и также приветливо встречали меня со школы. А на ночь они укладывались спать прямо под моим окном, мы жили в полуподвальном помещении, и мне отчетливо были видны изогнутые спины собак, уставших от дневной беготни в поисках еды. И был там еще один странный человек – коренастый мужчина в лохмотьях, белобрысый, невысокого роста, немой. Он запросто угощался катыком (кислое молоко), проходя мимо старушек, продававших его. Поговаривали, что он иностранный шпион в обличии нищего побирушки. Это был крепкий сильный человек, и мы, мальчишки, пощупав его мощные бицепсы, нередко висли на его руках, проявляя тем самым полное отсутствие бдительности относительно шпионских намерений немого...

В моих воспоминаниях об этом небольшом городишке встают еще две картинки. Одна – во дворе школы шел мальчишеский футбольный матч. И мой одноклассник Володя Эм в погоне за мячом, который пролетел мимо меня, сидящего на земле в зрительском ряду, в отчаянии пнул меня изо всех сил тупым носком ботинка в правое бедро. Вторая сценка – мои двоюродные братья, Петя и Леня, с беззаботной веселостью покинули меня, сидящего у глиняного забора, оставили меня, бездвижного из-за пинка Володи Эм, несмотря на мои умоляющие глаза – ребята, мне одному будет скучно, почему бы вам не побыть со мной?.. Но братья мои ушли, положив свои руки на плечи друг другу. Я погрустнел... Одиночество подвигает человека к грустным размышлениям.

Травма, нанесенная моим одноклассником, время от времени давала о себе знать, и летом следующего года, когда я совсем занемог, в городской амбулатории посоветовали обратиться в самаркандский санаторий «Намазга», где успешно лечат травмированные суставы... Долго мы ждали ответа из санатория, но не дождались. И тогда муж моей старшей сестры Гали Шегай Николай повез меня в Самарканд.

Сестра Надя мне рассказывала потом, как моя мама, поднявшись на крышу саманного дома, долго смотрела вслед уносящему меня зятю, смотрела в молчаливом плаче...

Поезд шел тогда от станции Ходжейли, и почему-то часто менялись составы, и зять мой переносил меня из поезда в поезд на руках, а сам, будучи безбилетником, ехал на крыше вагона, осведомляясь иногда о моем самочувствии. За пазухой у него были две тысячи рублей. Поскольку у нас не было официального вызова на лечение, он держал эти деньги для взятки руководству санатория. И не ошибся! В санатории немедленно приняли меня на третью веранду, где каждый большой

в обязательном порядке должен отлежать карантинные три месяца, после чего перевели на настоящие, огромные, длиной не меньше полусотни метров веранды, куда на летний период двумя рядами, друг против друга, выкатывались из палат высокие белые кровати на колесах. Веранды построили в виноградно-яблоневых садах, и осенью можно было рукой дотянуться и сорвать спелые виноградные лозы. Рай, да и только... И лечился я там три года и три месяца. И всё лежа. Ели мы лёжа, учились лёжа (к нам приходили учителя в белых халатах) и баловались лёжа, швыряя друг в друга подушками. Самым веселым и беззаботным среди нас был круглолицый мальчик, таджик по имени Ачил. Никто из родственников к нему не приходил, потому что их у него не было, и лечился он в этом санатории чуть ли не со дня рождения. Приподнявшись и облокотившись на одну руку, другой он щелкал пальцами перед своим лицом и весело смеялся. Мы все научились играть на мандолине. Виртуозно владел этим инструментом Генка Абрамов. Он и научил меня элементарной нотной грамоте (номера ладов и струн на грифе мандолины). Время от времени в сопровождении лечащих врачей делала обход главврач санатория Купченко Екатерина Дмитриевна. Это была женщина с открытым взглядом и твердой походкой. Все, и больные, и медперсонал, уважали ее. О ее обходах нас предупреждали заранее. Однажды мы решили преподнести ей сюрприз. Я попросил любимую сестричку Зою, медсестру нашей огромной палаты, поставить кровати наиболее виртуозных музыкантов в один ряд. И семеро пацанов спрятали свои мандолины под свои пледы. А когда появилась главврач со своей свитой, мы по моей команде враз извлекли свои мандолины и дружно заиграли «Светит месяц, светит ясный». Врачи заулыбались, эффект был необыкновенный!..

Шестой, седьмой, восьмой и начало девятого класса прошли в санатории.

В памяти остались три учителя.

Шева Израилевна преподавала математику – алгебру, геометрию и тригонометрию. У нее было слабое зрение, и вчитывалась она в наши решения уравнений, близко поднося тетрадь к лицу. Говорила она тихим голосом и улыбаясь. А пальцы ее всегда были испачканы мелом... С ее подачи я по-настоящему полюбил математику.

Русский язык и литературу преподавал учитель-фронтвик по фамилии Жуков (забыл имя-отчество). Но отлично помню свое сочинение по произведению популярного детского писателя Аркадия Гайдара «Школа мужества». Я все изложил своими словами, учитель с похвалой отметил сей факт, но все сочинение было испещрено красными птичками – это он исправлял мои грамматические ошибки.

Евгения Константиновна Фельдман. Фамилия по мужу, которого репрессировали. В молодости она была оперной певицей. Знала восемь языков. Тогда среди практикующих врачей и больных очень популярна была «мазь Фельдмана», названная после расстрела самого Фельдмана именем его ученика «мазью Вишневого». Мазью этой пользовались при травмах. Евгения Константиновна преподавала нам немецкий язык. И была очень строгой и требовательной. Поэтому мы недурно знали немецкий язык, могли запросто разговаривать на нем. Но чуть ли не до сердечного приступа переживала она, если мы ставили ударение в немецком слове не там, где полагается. Как-то раз я назвал город Москву «Moskau» с ударением на «а», а не на «о». Евгения Константиновна схватилась за сердце и надолго замерла, с возмущением разглядывая меня, несусветное чудовище (!), пока я не произнес слово с верным ударением. Слово «Moskau» с ударением на «а» – это река...

Итак, лечение мое завершилось успешно, и сестра моя Надя повезла меня из Самарканда домой, в город Нукус... Все смешалось, сплошное нагромождение: девятый, десятый классы, судомодельные страсти, одноклассники Толя Дроваль, Коля (Коптлеу) Кулатаев, Слава Терехин, Вовка Тетюшев, Саша Белов, Саша Саенко, Эдик Чигирев (Чик), Неля Бурангулова, Галя Недоспасова, Венера Рахманова... Однажды Венера, набрав в речке воды, застыла с коромыслом на невысоком берегу под тополем. Застыла, потому что перед ней объявился я, влюбленный в нее и оглушенный немотой... Так и не дождавшись от меня каких-либо человеческих слов, Венера осторожно развернулась и ушла, покачивая коромыслом.

Почему в каракалпакском городе Нукусе, в Узбекистане, было так много людей русской национальности? Тогда я, конечно, не задавался этим вопросом и только теперь понимаю – это потомки русских переселенцев столыпинской эпохи или массового переселения их из западных районов Союза, начиная с осени сорок первого года...

Повторюсь, повсюду в мире происходили тогда важные события, но они совершенно не коснулись меня, пренебрегли мной, потому и пропустим... Затем был огромный промышленный город Свердловск, радиотехникум им. А.С.Попова, филармоническая капелла, военный завод (п/я) в Барнауле, снова Свердловск, где я почти нагим пролежал три дня на хирургическом столе в Институте восстановительной хирургии, окруженный начинающими хирургами, которым главный хирург, бесцеремонно щупая и давя сильными пальцами мою ногу, объяснял, что такое сращение костей в тазобедренном суставе...

5.

На сценарный факультет ВГИКа я поступил, можно сказать, спонтанно. Работая старшим лаборантом в Секторе ионосферы Академии наук КазССР, я посещал литературное объединение при молодежной газете «Ленинская смена». Руководил этим объединением улыбочивый Надилов Леонид. Самыми одаренными, считали мы, были Спартак Ахметов, Володя Нестеровский, Света Штейнград, Таня Фроловская. И они действительно стали потом профессиональными литераторами. Светлана – в Израиле, Володя Нестеровский в Питере, Татьяна – в Алматы, Спартак, говорят, бросил литературу. А жаль – он писал крепкие стихи, они нравились нам, и читал он их здорово! Очень упрямым и трудолюбивым был Кузьмин (почему-то мы звали его Васей). И я тоже пописывал стихи и рассказы, которые газета публиковала. Вот тогда-то меня и посетила тщеславная мысль: быть может, во мне гибнет талант литератора?

В Литературный институт я, конечно, не осмелился, путь в этот храм убедительно преграждали классики – Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов, Бунин, Куприн и другие гиганты. В справочнике «Куда пойти учиться» я выписал адрес института кинематографии и в марте месяце (согласно Правилам приема) почтой отправил на творческий конкурс несколько стихотворений и рассказов. Получил ответ – мои опусы прошли предварительный творческий конкурс, так что могу прибыть в Москву для сдачи вступительных экзаменов. Их оказалось целых восемь – четыре творческих и четыре общеобразовательных. И все восемь экзаменов надо было сдать в течение двух недель. Хорошо, подумал я, и поехал в Москву. И сдал все восемь экзаменов. И только на первом занятии по мастерству я узнал, что конкурс был большой, документы подали более шестисот человек, до экзаменов допустили шестьдесят человек, а приняли

всего десять советских абитуриентов и двух вьетнамцев (без экзаменов). Всего двенадцать человек. Я был в полном неведении о большом конкурсе, иначе бы ни за что не осмелился, совесть надо иметь... Абитуриенты были в основном с высшим гуманитарным образованием: филфак, истфак, а в моем техникумовском дипломе черным по белому написано «Конструирование и технология производства радиоаппаратуры». И последнее место работы – Сектор ионосферы АН КазССР. Знал я, конечно, немного историю литературы, знаком с классической и современной прозой и поэзией, любил музыку, но имел смутное представление о живописи и архитектуре. Слава богу, на вступительных собеседованиях мне не задавали вопросы по этим предметам. В том была повинна, я думаю, мастер нашего будущего курса – известный драматург Катерина Николаевна Виноградская («Член правительства», «Партбилет», «Борис» и др.). На собеседованиях она вводила экзаменационную комиссию от теоретических вопросов по этим предметам и направляла их любопытство в область моей работы в Секторе ионосферы (ионосфера представляет собой заряженные частицы электронов на высоте от девяноста до пятисот пятидесяти километров над уровнем моря). Ну кто же слабо расскажет о своей работе? Спутники и космонавты летают на высоте трехсот-четырёхсот километров. Представляете, в год моего поступления во ВГИК (шестьдесят третий год) тема космоса не сходилась с газетных полос и радио!.. Так я и поступил в этот институт. Опять повезло!

В тот год поступал на факультет документального кино еще один кореец, вернее, он метис (отец кореец, мать еврейской национальности). Звать его Валерий Цой. Это была его пятая попытка поступить в злополучный институт. И поступил!..

– Пятый раз? – ужаснулся я.

– А что такого? Я в Ленинграде живу, тут рядом. Приехал, уехал...

Как-то видел по телевизору очень хороший документальный фильм про блокаду Ленинграда и в титрах читаю: режиссер фильма Валерий Цой! Я искренне порадовался за него!

...Помните, по окончании радиотехникума в Свердловске меня направили на работу в Барнаул техником-конструктором в эвакуированный военный радиозавод (п/я). Главный хормейстер Александр Владимирович Серебровский, которому я сообщил об этом, сказал мне на прощание:

– Вряд ли вы, Сон, профессионально свяжете свою судьбу с пением, но то, что вы соприкоснулись с музыкой, это поможет вам в будущем и украсит вашу жизнь...

Одним словом:

...Кто хранит любовь к искусству,
Тот награды заслужил,
Вновь да за-а-аслужил!

Спа-си-бо!

